

**Революция и мифотворчество:
коллизии современного исторического воображения**

Историческое сознание устроено примитивно. Человек выделяет в потоке происходящего лишь то, что поражает воображение: ярких лидеров, впечатляющие события, социальные извержения — все, что, якобы, меняет картину мира. Историческая память, со своей стороны, оперирует следствиями, а не причинами. Микроскопические трещины в броне государственности, сквозь которые «неожиданно» прорывается пламя массового недовольства, как правило, замечаются слишком поздно.

Всякое масштабное историческое событие поднимает грандиозную волну мифотворчества — иначе не может быть. Дело в том, что, во-первых, прошлое неинтересно без элементов загадочности и таинственности, допускающих многообразие домыслов и трактовок, во-вторых, если не сопряжено со знакомыми легендами, ритуалами, мифами, в-третьих, если не вызывает «глубокомысленных» ассоциаций с современностью, наконец, если в нем нельзя разглядеть «напоминания о будущем». Строго говоря, массовое сознание всегда исходит из *предрассудка, мифа и утопии*, соотношение между которыми определяет пассионарность той или иной цивилизации в глобальном пространстве. Профессия историка предполагает противостояние (достаточно безнадежное) тому, другому и третьему, объективно необходимое (хотя редко осознаваемое) обществу для того, чтобы избежать соблазнов застоя и рисков смуты.

Еще раз о недомыслии природы российских смут

«В смутные времена общественных пересозданий, бурь, в которые государства надолго выходят из обыкновенных пазов своих, нарождается новое поколение

людей, которых можно назвать хористами революции...»¹, — полагал А. И. Герцен. Люди победившей революции становятся ее первыми мифотворцами. Способен ли «независимый» историк противостоять им и их последователям в принципе? Или он годен лишь на то, чтобы стать орудием нового мифа, вытесняющего устарелый?

Историю всякой революции следовало бы изучать с позиций синергетики, а не прогрессистского видения истории, твердо усвоив, что в сложноорганизованных системах все взаимосвязано. А потому авторитарные системы разрушаются не столько «снизу», как «сверху», в той мере, в какой власть — этот своего рода аттрактор стабильности — «теряет лицо». Их разложение происходит не под непосредственным воздействием внешних обстоятельств, а в силу органической неспособности отыскать им достойный ответ. Империи уязвимы *sui generis*. В переходные эпохи их социальное наполнение теряет былую упорядоченность; его диффузное состояние требует аттракторов особого рода — «свободных радикалов», порвавших (пусть чисто декларативно) с прежним этосом; диссипативные элементы обновляют ядро системы и стабилизируют «взбесившийся традиционализм». И, если, согласно русской пословице, «рыба гниет с головы», то на этом фоне «свежая» власть даже в лице в лице экс-диссипантов покажется успешной.

Имперская система патерналистского типа при всем своем внешнем величии неустойчива, прежде всего, *психологически*. Видовые признаки «настоящей» власти известны: харизматическое наполнение, органично связанное с личностью правителя; сакральный характер господства последнего, поддерживаемого «высшими» силами; легитимизация низами любых, включая репрессивные, действий верхов в критических обстоятельствах; концентрация военной мощи, призванной усмирить любого внешнего и внутреннего врага. Символически воплощенное единство духовных и

управленческих интенций государства должно соответствовать историческому опыту и ожиданиям подданных, а экономическая мощь — естественно направляться на поддержку низов в экстремальных обстоятельствах (неурожай, голод, эпидемии, пожары и т. п.). И, конечно, власть должна отвечать эмоционально-эстетическим запросам людей. В любом случае, она обязана обладать скорее «человеческими» (нежели профессионально-бюрократическими) навыками управления: одним своим «авторитетом» не допускать появления и разрастания маргинальных слоев и, особенно, диссипативных элементов; уметь поддерживать сложившийся баланс социальных иерархий и нейтрализовать излишне пассионарных их представителей; «понимающе» взаимодействовать с самоуправленческими традициями низов. Со своей стороны, правящие элиты должны демонстрировать идеологическую сплоченность, блокирующую действия антисистемной оппозиции, и, вместе с тем, и внутреннюю солидарность, обеспечивающую поддержку органичных системе инновационных начинаний. Власть, испытывающая дефицит этих качеств, становится обреченной — даже ее минутная «слабость» способна возбудить экзистенциальные страхи. В общем, по мере утраты своего солидаристского наполнения власть начинает превращаться в беспомощное ригидное сооружение — своего рода бесполезный памятник самой себе. Самодержавие — само по себе миф, а потому даже его руины непременно будут пробуждать ностальгическую горделивость.

К сожалению, в историографии до сих пор не поставлен вопрос о степени и, главное, особенностях этатизированности российского массового сознания, возрождающего склонность к историческому мифотворчеству. В сущности, россиянин всегда верил, прежде всего, в *государство*, а лишь затем в Бога — последний использовался в основном для сакрализации центральной фигуры пантеона — «Великого Государя». Поэтому исход российской смуты единообразен: люди, не

привыкшие к самостоятельному принятию социально ответственных решений, следует по пути возрождения авторитаризма с обреченностью протрезвевшего холопа. Но профессиональным обществоведам сложно перевести житейски понятные коллизии на язык позитивистской науки. Так, довольно трудно объяснить в терминах политологии, что большевизм — это «политика» на службе у отчаяния и надежды, причем, надежды социального дикаря, а не гражданина.

Впрочем, порой кажется, что российская историография никогда не стремилась к этому, ибо не умела отпочковаться от мифа — такова ее видовая особенность. И этому есть свое объяснение.

Герцен полагал, что переворот Петра сделал «худшее, что можно сделать из людей — просвещенных рабов»². Поскольку сакральность власти логически оспорить невозможно, а бороться с ней нет сил, «просвещенные рабы» (интеллигенты) периодически провоцируют «рабов непросвещенных». Последние вступают с ними во временный союз словно специально, для того, чтобы, пережив смуту, выдать их с потрохами и возопить: «Бес попутал!» Со временем начинают «каяться» и интеллигентные инсургенты.

Если российская власть строилась по «непогрешимому» народному сценарию (так называемой домашней — патерналистской — модели), то она в принципе *не могла считаться дурной*. В лихие времена она могла лишь показаться *ложной, неподлинной, неистинной*, то есть никак не соответствующей своему *идеальному* предназначению. Впрочем, таков примордиалистский стержень любого господства — «власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, уже не есть власть»³. Народ периодически бунтует не против власти как таковой (или ее устарелости ее типа), а против вопиющего *искажения* ее желанной сути «чуждыми» и «инородными» элементами, а равно и любых покушений на ее изначальное естество.

Из бунта «просвещенных рабов» в условиях господства синкретического сознания крестьянских масс вряд ли могла получиться революция в европейском ее понимании. Бунт может явиться дурным апофеозом системного кризиса империи — явления куда более сложного, которое невозможно понять на уровне простейших причинно-следственных зависимостей. Самое нелепое, что можно придумать — это отрицание неизбежности революции, исходя из того, что старый режим обеспечивал среднестатистическое благосостояние, куда более высокое, нежели постреволюционное. Но оказывается, что еще не перевелись авторы, доказывающие несостоятельность большевистского видения революции большевистскими же методами.

Встречаются и публицисты, с хода отвергающие синергетику в силу того, что она, якобы, отрицает любые закономерности⁴. Такие авторы попросту не допускает возможности существования закономерностей более высокого порядка. Большевистское миропонимание куда более основательно сидит в нашем сознании, чем нам кажется.

Вчерашние и сегодняшние истоки мифотворчества

Задача всякой великой революции — не просто перевернуть мир, а подстроить опостылевшую реальность под более вдохновляющий миф. Это акт жесточайшего мифоутверждения, противостоящий безнадежно десакрализованной реальности. В эпистемологическом отношении «ужас» революции заключается даже не в масштабах насилия, а в том, что она заставляет поверить в «преображающее» насилие как в *норму*. Естественно, что со временем начинается болезненное отторжение от навязанной обществу террористической «нормы».

«Красная смута» не могла не породить волны глобального мифотворчества, во-первых, потому, что ее интенции были связаны с идеологией европейского Просвещения, во-вторых, в силу того, что ее внутреннее

наполнение закрепило агрессивный имидж России. Причины внутреннего мифотворчества определялись тем, что победоносная революция некоторое время была источником вдохновения масс. Напротив, по мере истощения «оптимистичного» мифа, наступил период мнемонической и историографической фрустрации. Пытаясь преодолеть ее, одни авторы заговорили о необходимости «клиотерапии» (такая установка является мифотворческой *sui generis*) с помощью социальной истории⁵, другие бросились доказывать, что три российские смуты (XVII в., начала и конца XX в.) явились «локомотивами» (должно быть, по известной аналогии) необычайно «успешной» русской истории⁶.

В общем, крах СССР создал ситуацию, когда одряхлевший коммунистический миф⁷ стал вытесняться им же порожденным антиподом⁸. Возникла питательная среда для нового витка мифотворчества.

В «тумане» российского прошлого и настоящего не могут не возникать самые невероятные фантазии и манящие утопии.

Я никак не ожидал, что отечественных либералов новой формации может до такой степени пленить фигура П. Б. Струве, этого настоящего *enfant terrible* русского либерализма. Струве, начинавший как социал-демократ, сочинивший манифест I съезда РСДРП, превратился в ведущего автора «этапных» для либеральной идеологии сборников «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909), «De profundis» (1918).

Как ни забавно, некоторые авторы уверяют, что первый из перечисленных сборников знаменовал глубокую «перемену настроения» в широких общественно-политических кругах и вызвал «неожиданно сильную, сочувственную и враждебную, обширную и непредсказуемую цепную реакцию во всех лагерях общественной мысли...»⁹. Поразительно, как легко стать жертвами химер собственного воображения. На рубеже веков появление таких метущихся фигур, как Струве было

неизбежно. Но почему они столь привлекательны для авторов наших дней? По родству эпигонских душ?

Некогда Струве убоился «грубого» материализма, им же по наивности спровоцированного. Но, если вторжение марксизма¹⁰ — этого злого пасынка стареющего Просвещения — в Россию, повлекло за собой столь катастрофичные последствия, то из этого вовсе не следует, что реальную преграду на его пути мог составить неокантианский «идеализм». Но некоторым легче думать именно к этом ключе. Смущенный «нелогичностью» российской истории провинциализм мысли прячется за изысканностью стиля, обращенного к «возвышенной» тематике.

«Вехи» Ленин назвал «энциклопедией либерального ренегатства». Это было заведомо несправедливо, но психологически объяснимо и даже оправдано. Ныне эту книгу почитают пророческой, что вряд ли более справедливо. Стоит ли хвалить авторов, которые фактически подписались под историческим приговором своему «недозрелому экстремизму»? Строго говоря, «Вехи» — это памятник бессилию *всей* русской интеллигенции: левые ее представители (революционеры) не ко времени подстрекали равнодушный к ним народ, правые (либералы) пытались торговаться с властью на базе исторически запоздалых законов. В общем, картина далекая от исторического оптимизма.

Нет ничего смешнее нынешнего интеллигентского умиления перед «Вехами» и их авторами. Каких только возвышенных целей и философской глубины им не приписывают! Это тот случай, когда трусоватую вонь принимают за величие духа. «Веховцами», взлелеянными самодержавным патернализмом, история воспринималась, как детские игры: нашалили, испугались, повинились — прости, папа! Что до философствования, то «не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься! От такой интеллигентской вертлявости перед властью тошнит даже больше, чем от откровенного холуйства. «Вехи», веховство,

стенания по поводу того и другого — типичное проявление интеллигентского лукавства разума и блудливости совести. Или апофеоз социальной безответственности.

Как бы то ни было, со временем, с подачи своего друга С. Л. Франка, Струве предстал в амплуа англоязычного «консервативного либерала», естественно, «непонятого» в России¹¹. Российская интеллигенция всегда была средой, менее всего пригодной для адекватного восприятия сторонних идей, а потому столь забавны попытки представить безответственного подстрекателя глубоким мыслителем. Конечно, Струве — весьма яркое явление — талант не спрячешь. Но превращать перезрелого вундеркинда в символ умудренности русского либерализма¹² — занятие сомнительное. Однако традиция агиографии «недопонятых» современниками мудрецов, похоже, неистребима. Струве был «оценен» в 1990-е гг.: российские философы и историки облепили его мутноватый политический образ, как мухи патоку¹³.

Российские чиновники никогда не любили «переписывания» истории — это угрожало стабильности *их* положения. Но история переписывалась и будет переписываться до бесконечности — всякая новая информация меняет целостную, как могло показаться, картину прошлого. К тому же, даже представления близнецов, заброшенных в «слишком» бурную историю, будут отличаться друг от друга. Разумеется, если они безнадежно оболванены современностью.

В 1990-е гг. в порядке добывания альтернатив «проклятому прошлому» историки кинулись сочинять историю российской многопартийности. Примечательно, что постепенно интерес смещался с либералов на консерваторов. Невероятно, но Н. М. Карамзин объявлен **респектабельным** (а не каким-то иным!) консерватором»¹⁴. Почему именно **респектабельным**? Похоже, раболепствующим перед нынешней властью историкам просто неловко без подобных фиговых листочков.

Современные авторы не случайно неуклонно тяготеют к «развенчанию» либерализма и соответствующей апологетике авторитаризма. Это типичный жест когнитивного бессилия. Человек — и творец, и разрушитель. Но напомнить о том, что авторитарные системы подавляют в нем творческое начало и одновременно усиливают страсть к разрушению, сегодня страшно важно.

Понятно, что большинство авторов хотело бы отыскать в Октябрьской революции ключ к «загадкам» советской истории. На деле, анализ всякой смуты может, прежде всего, приоткрыть нечто в социокультурной среде, ее породившей, и лишь затем позволяет *изнутри* уловить риски грядущих смут. Постреволюционная история зависит от пережитого катаклизма лишь в той мере, в какой она связана с ней своего рода идейной пуповиной. Идеология «Великого Октября», как и всякая религия, дает лишь ключ к пониманию коммунистической идеократии, но отнюдь не советского строя в целом.

Интересно, что об Октябрьской революции сегодня «все всё знают» — ситуация, характерная для мифологизированного сознания. Если десятилетиями вопреки реалиям вдалбливать в головы представление о «блестящей победе» большевизма, то «позитивный» миф по мере разочарования в плодах этой победы сменится на противоположный. Мир о «красной смуте» неизбежно выцветал, хотя его мощный каркас по-прежнему способен впечатлить слабые умы.

В современных условиях живучесть мифов о революции психологически связана с ощущением недостижимости стабильного развития России. Трудно разобраться в том, почему и как «славное» имперское, а затем советское прошлое было *закономерно* порушено «неведомыми» силами. Легче поверить, что «прогресс» был перечеркнут несчастливим стечением случайных обстоятельств, которыми воспользовались «враги». Несмотря на появление ряда работ, так или иначе доказывающих, что кризисность является «нормой»

российской истории¹⁵, внимание читающей публики привлекают работы иного рода.

Скажем, во времена «развитого социализма» был такой «историк КПСС» Н. А. Васецкий, сделавший себе «научную» карьеру разоблачением Л. Д. Троцкого. Он ухитрился восславить социалистическую эпоху как раз накануне перестройки¹⁶, затем несколько изменил свое отношение к главному противнику Сталина¹⁷, но затем все вернулось на круги своя. «Гибкие» люди особенно нужны «негибкой» государственности. Васецкий не просто перекочевал из номенклатуры в новую политическую «элику», но и сочиняет вместе с Жириновским книги о «русском характере» и «мировой политике»¹⁸, а заодно и учит «основам парламентаризма»¹⁹. Вспоминает он в известном контексте и Троцкого.

Все это было бы очень смешно, если бы не было столь печально. К Троцкому можно относиться по-разному, но нельзя не признать, что в советской историографии не было более оболганного персонажа, чем он. Впрочем, не стоит морализировать на этот счет. Наиболее востребованными в прошлой и современной России оказываются «сказочники», работающие на людскую паранойю.

От «клиотерапии» к конспирологии

«История по сути своей неотклонимо стремится к легитимизации мифа и представляет собой более или менее условную карту прошлого, постоянно уточняемую и варьируемую в соответствии с законами максимального правдоподобия и всеобщей детерминированности, с одной стороны, а с другой — в соответствии с господствующими в обществе настроениями», — заметил как-то известный писатель Михаил Веллер. Но он же, совместно с редкостным фантазером Андреем Буровским сочинил нелепейшую книгу о Гражданской войне в России. Самое смешное в том, что она посвящена «разоблачению» коммунистических мифов, да и исторической науки в целом. «История — это свиток

тайн, пересказанных глупцом по испорченному телефону — этими справедливыми словами начинается книга»²⁰. Но вслед за тем, под покровом опровержения одного мифа, начинается возведение другого.

Почему современная история пронизана конспирологией? Перефразируя (и оспаривая) А. Шопенгауэра, можно сказать, что человеческая жизнь подобно маятнику колеблется между вожделием и страхом. Человечество по-прежнему живет иллюзиями и мечтами. «Прогресс» состоит лишь в том, что наряду с мечтами о счастье оно начинает позволять себе страшилки неблагополучия.

Мне приходилось не раз разбирать тексты Б. Н. Миронова²¹. Особенно хотелось узнать, как автор, восторгавшийся успехами дореволюционного прошлого, объяснит причины русской революции. Наконец, соответствующая статья появилась. Ее выводы в очередной раз изумляют.

Прежде всего, поражает, что Миронов вполне по-марксистски начинает с теории, с «концепций». Для исследователя, исписавшего такое количество текстов по социальной (вроде бы) истории, такой прием смотрится противоестественно: создается впечатление, что о принципах герменевтики он не слыхивал. Когда-то историю «красной смуты» втискивали в прокрустово ложе «самой передовой» марксистско-ленинской теории. Тот факт, что Миронов перебирает целый набор теорий (порядком обветшалых), ситуации не меняет.

В свое время К.-Г. Юнг предупреждал: «Пытаясь оценить и объяснить катастрофические события европейской истории последних десятилетий, современные исследователи чувствуют обветшалость и бессилие традиционных средств»²². Миронов, напротив, упорно цепляется за обветшалые западные теории, подчас не имеющие точек соприкосновения с действительностью. Он вообще руководствуется количественным принципом,

достойным гоголевского персонажа: «в хозяйстве всякая веревочка сгодится».

В чем же причина провала столь успешной и благой, по Миронову, российской модернизации? Оказывается, во всем виноваты ее «издержки, или побочные продукты». Но что это за модернизация, которой суждено стать жертвой собственных несовершенств? По Миронову, «общество испытало то, что называется *травмой социальных изменений, или аномией успеха*»²³. Это напоминает хрестоматийный случай с унтер-офицерской вдовой, которая «сама себя высекла».

Честно говоря, я никогда не понимал логики Миронова, постоянно ориентирующегося на сомнительные статистические данные, собранные бюрократами, ради иллюстрации собственных «достижений». В последней книге он обнаружил еще один индикатор роста благосостояния крестьянства — растущее потребление спиртного²⁴. Затем нашелся поистине уникальный показатель российского «прогресса» — уровень суицидальности и преступности населения²⁵. А поскольку, вдобавок к этому, темпы роста не только экономики, но и отечественной телесности были впечатляюще высоки, то системный кризис — выдумка большевиков.

Зачем же ставить себя в столь нелепое положение? Не пора ли отказаться от «зоотехнического» измерения модернизации: если мужик пьян, а баба «в теле», — прогресс состоялся. И стоит ли искать истину в трех соснах? Важнейший показатель ненавистного Миронову системного кризиса в России — неверие населения в легитимность существующей власти. Однако автор упорно скатывается к конспирологической «теории» революции, несколько сдобренной осуждением «дурного» поведения масс²⁶.

Мионов пытается выставлять оценки за поведение людям прошлого, не понимавшего своего «счастья». Но почему они этого не понимали вкуса того, что ныне кажется патокой? С позиций «телесного детерминизма» этого не объяснишь.

У всех архаичных систем, подобных российской, один конец: власть либо закисает от безволия «самодержцев», либо деревенеет от тупости бюрократии. К тому же, достаток развращает — людское большинство чувствует себя не преуспевшим, а обделенным. То, что Миронов принимает за процветание, несло в себе чудовищный революционный потенциал. Бывают времена, когда люди превращаются в жертв собственных прихотей, предрассудков и страстей.

Собственно все это подтверждают и данные, приводимые самим Миронов, если не обращать внимания на пристегнутые к ним обветшалые теории и наивную игру воображения. Остается только гадать: что он понимает под системным кризисом, если не ситуацию, отчетливо проглядывающую сквозь его сомнительные построения?

Социологизирующие «мудрецы» силятся понять, как внутри таких устойчивых величин, как культура, хозяйство или ментальность «вдруг» происходит лавинообразный рост «малых возмущений», оборачивающийся тотальным хаосом, который пытается взломать генетический код системы. Между тем ответ прост: хаос приходит изнутри, от простых людей, тихое существование которых становится невыносимым вовсе не по причинам нарушения отмеренных сверху норм потребления. Увы, Миронов «маленького человека» не различает, для него существуют только «индекс массы тела» усредненного российского социального существа.

Разумеется, Миронов выступает поборником реформ, а не революций. Спору нет: всякий прогресс зависит от способности общества к самореформированию, а не готовности к революционному «прыжку». Но, если общество лишено соответствующих потенциалов, а власть нацелена на самообслуживание, то стоит ли сочинять панегирики реформам и предавать анафеме революцию? Между прочим, видовая особенность российской власти состоит и в том, что она способна делать правильные вещи с таким опозданием, что они лишь ухудшают ситуацию,

вместо того, чтобы исправить ее. Удивительно, но мало кто из современных исследователей замечает, что вера, власть, народ накануне 1917 г. словно пребывали в разных измерениях вопреки известной формуле: «Православие, самодержавие, народность»²⁷. Для Миронова проблемы системной деструкции вообще не существует.

Трудно сказать, кто и когда произнес историческую нелепость: «Россия исчерпала лимит революций». Похоже, что наши люди надеются, что кто-то способен отменить то, что им не нравится. Увы, Клио менее всего прислушивается к мнению начетников, бюрократов и обслуживающих их «историков».

Как ни странно, аргументацию Миронова нынешние студенты (и не только они) вполне понимают и принимают. С чем это связано? Во-первых, в советское время народ приучили фетишизировать экономические показатели «от съезда к съезду». Инерция такого подхода к «прогрессу» дает о себе знать. Во-вторых, формально-логическая аргументация наиболее доходчива (а потому с ее помощью выстраиваются самые нелепые «научные» конструкции). В-третьих, современная психология потребления охотно поглощает именно «зооантропологическую» аргументацию Миронова. С чем его и поздравляем. Наконец, нельзя забывать об избыточной инфантильности нынешнего молодого поколения, привыкшего измерять и достаток, и успех чисто количественными показателями.

Есть тип «исследователей», которые подобно Дон Кихоту непременно сразятся с ветряными мельницами. Порой статистические абстракции толкает историческую науку к отвлеченно-самодостаточному существованию, «излишние» сложности реальной жизни лишь мешают. В этом источник мифотворчества, представленного Мироновым.

Впрочем, дело не только в этом. На протяжении последних 20 лет мне не раз приходилось сталкиваться с авторами, которые упорно воюют с химерами воображения, возникшими под влиянием советской историографии. Давно

уже нет Советского Союза, бывшие «историки КПСС» в большинстве своем превратились в антикоммунистических «политологов», а эти авторы по-прежнему «сокрушают» давно несуществующих идолов. Мифы, укоренившиеся в историческом подсознании людей, всегда долговечнее политических режимов, их породивших.

От заблуждений профессионалов — к профессиональным мифотворцам

По поводу Октябрьской революции не раз высказывался известный специалист по истории Древней Руси И. Я. Фроянов. В прошлом он заявлял, что «было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых Лениным...»²⁸. Со временем он фактически сам встал на «сверхпримитивную» точку зрения. Мировая война, пишет он, вызвала «бесформенную» Февральскую революцию, которая ничего не дала народу, а Октябрьская революция «стала прямой реакцией на революционную ущербность Февраля». И все было бы неплохо, если бы после 25 октября 1917 г. «революция для России» не уступила место своего рода глобалистскому проекту под названием «Россия для революции». Заявив об этом, автор попадает в паутину евразийских и национал-большевистских фантазий, сдобренных антитроцкистской конспирологией²⁹. Что делать — образы «красной смуты» могут покорежить и сознание профессионала.

Экономист В. В. Галин, будучи уязвлен бедами современной России, решил «правильно» переписать ее, что, разумеется, похвально. Он задался целью сделать это в 10 томах на протяжении 10 (десяти!) лет. При этом он руководствовался «методологией», подсказанной, как ни странно, А. Даллесом: «Человек не всегда может правильно оценить информацию, но может уловить тенденции и сделать правильные выводы»³⁰. «Десятилетие правды» началось в 2004 г. с книги «Война и революция», вышедшей

под шапкой «Тенденции». Прочих томов-откровений почти не заметно — налицо бесконечное топтание на узенькой площадке обличения мирового либерализма³¹. Уже из первого тома клиосериала видно, что отбросив тенденциозные сочинения коммунистических авторов, автор наивно воспроизвел воззрения их противников. Такова была основная тенденция постсоветского мифотворчества 1990-х гг. И не стоит бросать камни в авторов того времени. Если человек не в силах найти себя в мире, стремительно меняющимся мире, он начинает, хотя бы мысленно, «переписывать» его, начиная с прошлого. Торопливая маркировка окружения — этот суррогат «нормального» идентификационного процесса — заставляет людей периодически свергать своих же ложных идолов. Конечно, в пространстве большой истории это занятие кажется пустым. Но ситуационно оно неизбежно. Человек «привязан» к своему времени; попытки прорваться из него в будущее, объехав «по прямой» макроистории, порождают лишь новый миф.

Профессиональные авторы отмечают, что обыденное сознание дремлет в плену мифов. Но констатация этого не избавляет от нового мифотворчества. Особенно интенсивно это происходит во времена, когда «издержки профессионализма» и персональные комплексы начинают резонировать с общественными психозами. Именно тогда массовое сознание наиболее охотно откликается на вопли параноиков. Так, некий самодетельный автор без колебаний прозвал Февральскую революцию спецоперацией³². Примечательно, что, выпустив массу поповской продукции о всемирном заговоре против России³³, он категорически отрицает свою причастность к конспирологии.

Психоментальный бич нашего времени — вера во всеислие так называемых политтехнологий. Это настоящий генератор новейшего мифотворчества.

Авторов конспирологического пошиба можно было бы не упоминать, если бы не несколько обстоятельств. Во-первых, дорогу шарлатанам расчищают вполне академические

авторы, взявшиеся «улучшать» историю. Во-вторых, их самодеятельным последователям верят охотнее и быстрее, поскольку они в своей аргументации используют не только наиболее доходчивые формально-логические «аргументы», но и «благородные» обличительные эмоции. В-третьих, постсоветская действительность породила массу диссипативных элементов от истории, которые и обеспечивают мнемонические психозы. Наконец, последние облегчают задачу манипулирования историей в чисто политических целях.

Так, профессиональный (вроде бы) историк В. А. Никонов, несмотря на более чем критическую оценку своих публицистических заявлений³⁴, выступил с большой книгой о Февральской революции. В ней немало ссылок на работы серьезных авторов. Но они понадобились лишь для того, чтобы более убедительно смотрелся целый ряд чисто политических заявлений: самодержавная власть была благом для России; никаких предпосылок для ее падения не существовало; революцию подготовили безответственные «заговорщики». И хотя автор оговаривается, что «когда было принято решение приступить к свержению Николая II... мы вряд ли когда либо узнаем», он тут же начинает реанимировать слухи о «заговоре Думы и Земгора», «заговоре семьи» (императора), «заговоре Гучкова», опиравшегося на Ставку, наконец, «заговоре социалистов»³⁵. Не кажется ли автору, что самодержавная власть довела общество до такой степени гражданского бессилия, что ему не оставалось ничего иного, как тешить себя пересудами о заговорах против нее? Впрочем, Никонов больше похож не на искреннего мифотворца, а простого исполнителя политического заказа. Для нынешней власти, ухитрившейся приватизировать целую страну, всякий недовольный непременно покажется заговорщиком, а любой намек на ненадежность нынешней стабильности путем воспринят в контексте очередного «крушения России».

Допустим, что судьбы России периодически оказываются в руках безответственных «заговорщиков», не

задумывающихся о последствиях крушения государственности. Но, спрашивается, почему почти за два года до крушения самодержавия тогдашние жандармы отметили растущую убежденность в том, что революция неизбежна?³⁶ Отчего убежденный сторонник самодержавия в марте 1915 г. писал, что «сам Вильгельм не мог бы лучше дезорганизовать, замучить и обессилить врага» (Россию), чем это сделали за него отечественные бюрократы³⁷. Почему провинциальные обыватели восторженно поздравляли друг друга с «новой жизнью» и с легкостью поверили, что «Николай II был окружен преступниками»³⁸.

Если взглянуть в реалии 1917 г., то обнаружится, что, в сущности, старую власть ни в Феврале, ни в Октябре никто не свергал. В нее переставали верить, она разваливалась сама, ее добивали, причем делали это с упоением людей, которым нечего терять. Неслучайно «революционные» события 1990-х гг. протекали по сходному сценарию. А потому «психотравма» одной революции столь естественно вписалась в историографические психозы последующей смуты.

Строго говоря, историкам в любой стране не раз приходилось представлять перед судом сильных мира сего или перед «пестрым синклитом» всевозможных авторитетных дилетантов³⁹. Их отличительная черта в неумении (или нежелании) различать реальное и воображаемое в наличном историческом материале — в неспособности делать то, с чего начинается собственно историческая наука. И если учесть, что в современной России в среду последних допускают откровенных неучей параноидального склада, то торжество известного рода мифов будет обеспечено.

Советский марксизм отучил людей верить в очевидное — в отместку они поверили в неуловимое. Отсюда череда лжепророков, эксплуатирующих провалы коллективной памяти народов. Так, некий самодетельный «историк» сочинил книгу об оккультных корнях русской революции. Книга посвящена Я. М. Свердлову: тот сделал

шкуру из своего любимого *черного* пса — это и есть решающее доказательство⁴⁰. Сей автор откровенно бахвалится собственной «необъективностью», горделиво заявляя, что история вообще «субъективная наука»⁴¹, в которой, по его разумению, любому шарлатану уготовано законное место.

Всякий исторический источник многомерен — каждый выбирает из него то, что ближе его уровню понимания прошлого, и интерпретирует отобранный материал в соответствии с собственными нравственными установками. Любителям «доступной истории» невдомек, что существует профессиональное источниковедение, которое призвано свести неизбежную для всякого автора необъективность к минимуму. Современная медийная поп-культура, напротив, старается уравнивать графомана-параноика и историка-профессионала. Этому помогает так называемая политкорректность — суррогат и морали, и даже веры.

Так, Миронов органически не признает российских кризисов, ибо они не увязываются с его эволюционистскими построениями. Прочие из упомянутых авторов вообще склонны верить только в «бесов революции». Именно эта, старая как мир, вера и является питательной средой для современного мифотворчества. Наплывы смутного времени, периодически лихорадящие относительно спокойное течение истории, имеют сугубо человеческое происхождение. В 1932 г. Юнг писал, что следует выделять в социальных катастрофах «проявления психического начала», доходящие до «психических эпидемий». Увы, в своем большинстве современные «аналитики» шарахаются от поиска истоков социальных кризисов в исторических надрывах человеческой психики. Конечно, думать, что в *«любой момент (выделено мной. — В. Б.) несколько миллионов человеческих существ могут оказаться охвачены новым безумием»*⁴², житейски непрактично, но теоретически нельзя отрицать, что феномен кризисности связан с

непредсказуемостью культурно-антропологических реакций на «вызовы времени».

Охотнее всего в лейб-мифотворцы подаются историографические неудачники. Скажем, из В. Р. Мединского нормального историка не получилось — его обвиняли даже в плагиате. Но как он преуспел в разоблачении «мифов» о русском пьянстве, воровстве, долготерпении, тяге к «сильной руке»! И с какой скоростью он плодит свои опусы! Только в 2010—2012 гг. он опубликовал свыше 5 тыс. страниц своих книг. Ясно, что действует целая PR-фабрика по производству государственно востребованных мифов. И должен же кто-то поддерживать эмоциональный тонус «всенародно избранной» власти.

Любой миф возводится на почве наиболее примитивных, старых, как мир, предрассудков. Увы, они по-прежнему определяют ситуацию на всех уровнях российского исторического сознания. Современные *mass media* усугубляют ситуацию, неуклонно превращая человека в пассивного потребителя упрощенной и в то же время «подперченной» сенсационностью исторической информации. И даже профессиональным историкам трудно оставаться в стороне от этого процесса.

Библиография и примечания

¹ Герцен А. И. Былое и думы. Исповедь. М., 2003. С. 594.

² Там же. С. 468.

³ Московичи С. Машина, рождающая богов. М., 1998. С. 287.

⁴ Коломийцев В. Ф. Россия: Реформы, трансформация, модернизация. Заметки политолога. М., 2011. С. 160.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства (XVIII — начало XX в.) Т. 1. СПб., 1999. С. 16. Книга Миронова может быть отнесена к социальной истории лишь по недоразумению: в действительности это рассказ о *придуманной власти*, которая якобы эволюционировала вместе со «среднестатистическим» народом.

⁶ Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 197, 7—9.

⁷ См.: *Buldakov V.* Scholarly Passions around the Myth of “Great October” // *After the Fall: Essays in Russian and Soviet Historiography.* Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe. Bloomington, 2004.

⁸ Симптоматично, что наиболее активно он реанимируется бывшими комсомольскими работниками (см.: *Павлова И. В.* Что это было? Современная российская историография об историческом смысле социальных преобразований 1930-х годов // *Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «Великого перелома».* Новосибирск, 2000), подозревающими в «скрытом сталинизме» любого независимого автора.

⁹ *Колеров М. А.* Сборник «Проблемы идеализма». М., 2002. С. 212, 215.

¹⁰ См.: *Булдаков В. П.* Вторжение марксизма в Россию: Акт первый // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения. М., 2009.

¹¹ См.: *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.

¹² *Pipes R.* Struve: Liberal on the Left. Cambridge (MA). 1970; *Idem.* Struve: Liberal on the Right. Cambridge (MA). 1980.

¹³ См.: *Гайденок П. П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // *Вопросы философии.* 1992. № 12; *Колеров М. А., Плотников Н. С.* Творческий путь П. Б. Струве // *Вопросы философии.* 1992. № 12; *Гнатюк О. Л.* Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; и др.

¹⁴ *Никонов В.* Карамзин как respectable консерватор // *Родина.* 2012. № 2.

¹⁵ *Булдаков В. П.* Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // *Россия и современный мир.* 2001. № 2 (31); *Его же.* Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904—1921 и 1985—2002 годов // *Acta Slavica Japonica.* 2005. № 22; *Его же.* Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; *Его же.* Революция как проблема российской истории // *Вопросы философии.* 2009. № 1; *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005; *Соловей В. Д.*

Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007; *Его же*. Кровь и почва русской истории. М., 2008.

¹⁶ *Васецкий Н. А.* В конфликте с эпохой. М., 1985.

¹⁷ *Васецкий Н. А.* Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М., 1989.

¹⁸ *Жириновский В. В., Васецкий Н. А.* Русский характер. Социально-политические аспекты. М., 2009; *Их же*. Социология мировой политики. Учеб. пособие. М., 2012.

¹⁹ *Васецкий Н. А.* Основы парламентаризма в России. М., 2010.

²⁰ *Веллер М., Буровский А.* Гражданская история безумной войны. М., 2007. С. 4.

²¹ См.: *Булдаков В. П.* Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия — миф, придуманный большевиками» (Родина. 2006. № 1) // Родина. 2006. № 8. С. 7—9. Также см.: Российская история. 2011. № 1. С. 155—156, 173—174, 193—196, 198.

²² *Юнг К.-Г.* О современных мифах. М., 1994. С. 39.

²³ *Миронов Б. Н.* Уроки революции 1917 года, или кому на Руси жить плохо // Родина. 2011. № 12. С. 13.

²⁴ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революция в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 544.

²⁵ Родина. 2012. № 1. С. 74—77.

²⁶ Родина. 2012. № 2. С. 16—17.

²⁷ См.: *Леонтьева Т. Г.* Вера, народ, власть: истоки провалов российских реформ (вторая половина XIX—XX в.) // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX — XX вв. М., 2012. С. 167—188.

²⁸ *Фроянов И. Я.* Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 8.

²⁹ *Фроянов И.* Революция для России // Литературная газета. 2007. 29 августа — 4 сентября.

³⁰ *Галин В. В.* Война и революция. (Серия: Тенденции). М., 2004. С. 6.

³¹ Автор слепил несколько конспирологических поделок, одобренных «политэкономическим» подходом. См.: *Галин В. В.* Запретная политэкономия. Революция по-русски. М., 2006; *Его же*. Политэкономия войны. Тупик либерализма 1919—1939. М., 2007; *Его же*. Заговор Европы. М., 2007; *Его же*. Загадка 37 года. Ответный сталинский удар. 2008; *Его же*. Тупик либерализма. Как

начинаются войны. М., 2011; и пр. Поразительно, что Галин превратился в апологета большевизма (См.: *Галин В. В.* Большевики спасли Россию // *Правда*. 2005. 28—31 октября; 1—2 ноября) — таков естественный результат попыток спрямления истории с помощью политэкономии.

³² См.: *Стариков Н.* Февраль 1917: Революция или спецоперация? / Изд. 3. М., 2007.

³³ Напр. см.: *Стариков Н.* Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006; *Его же.* Мифы и правда о Гражданской войне. Кто добил Россию? М., 2006; *Его же.* Главный враг России. Все зло приходит с Запада. М., 2008; и др.

³⁴ *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 642.

³⁵ См.: *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474—550.

³⁶ *Семенова Е. Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 гг.): Сборник документов и материалов. Самара, 2011. С. 36, 37.

³⁷ *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915—1917 гг.* / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 8.

³⁸ *Письма вятского обывателя* / Авт.-сост. Р. Я. Лаптева. Вятка (Киров), 2009. С. 209, 231.

³⁹ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 72.

⁴⁰ *Шамбаров В.* Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006. С. 334—335.

⁴¹ Там же. С. 464.

⁴² *Юнг К.-Г.* Указ. соч. С. 242.